

КРО КОДИЛ

№ Москва. Декабрь 1932 г. 36
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

В ЮЖНЫХ ШТАТАХ

(В. Козлинский)

СТАРЫЙ ПЛАНТАТОР: — Как далеко шагнула техника. В мое время, детки, чтоб посмотреть суд Линча, приходилось делать по нескольку миль. А сейчас сидишь дома, в кругу семьи, и получаешь полное удовольствие.

— Ну, дети, учебников у нас нет, поэтому смотрите внимательно: вот буква „А“. Букву „Б“ мы постараемся поймаť на другой улице.

Тяжелым паром над деревней
Клубится святочный угар,
И в пятый раз в избежке древней
Сменяет водку самовар.

Там, в облаках махорки смрадной,
Весь день стаканами звеня,
Нелепо — нехотя и жадно —
Жует и пьянствует родня.

У образов оплыли свечки,
Икает пьяная гармонь,
И старый дед на жаркой печке
До крови машляет в ладонь.

Все, — как всегда. Разгульным скоком
Проскачет быстро рождество...

Помоют пол, почиют стекла —
И все... И больше ничего...

От дыма, едкого до боли,
От шуток, колющих до слез,
Сбежала девушка на волю,
На чистый воздух, на мороз.

Идет одна в тиши морозной,
И под ногами снег поет.
И взгляд, печальный и серьезный,
Глядит задумчиво вперед.

Там, где метели водят танцы,
Там, на закраине степной,
Горят огни знакомых станций,
Там — свет иной и мир иной.

Там, где пучком огни лучатся,
Другие люди и слова...
Ах, если бы туда умчаться
От пьяной скуки рождества!

И точно пес, большой и нежный,
Запахавшийся, добрый пес,
„У-у-уху-уу!“ — в равнине снежной
Призывно лает паровоз.

И сердце бьется часто, часто, —
Есть сердцу только двадцать лет!
И по серебряному насту
Бежит все дальше синий след...

ВЕКУМ

СВЕРХКОМПЛЕКТНОЕ БЕСПЛОДИЕ

(Типаж для чистилища)

До самого последнего времени у нас в Облбуче, как и во всяком порядочном учреждении, был свой собственный паразит, по фамилии Аттакин.

Аттакин — паразит среднего аппетита, умеренный, можно сказать, спокойный и удобный. Без всякой натуги получает спецставку, паек, сверхурочные и командировочные. Особых претензий не имеет. На заседаниях сидит смиренно. Делает глубокомысленную, понимающую и сочувствующую морду. Ласков. Потрафляет. В склоках играет только на верную лошадку. В общем — парень ничего. Вот только бесплоден, как библейская смоковница. Но тут уже, очевидно, действуют какие-то темные силы природы.

Пробовали его сажать на полезную работу — не выходит. Не приучен. Пытались учить — не получается.

— К чему, — грустно улыбался Аттакин, — я, братцы, не карьерист... Мне и так дают максимум того, что можно и даже больше.

— Но что же ты будешь делать? Выбрать тебя в органы, что ли?

— Да вы не беспокойтесь. Я и сам кооптируюсь. Я всегда тут, а дело найду.

И нашел. Уцепился нето за какие-то ключи, нето за печать. Словом, лег, как камень посреди ручья, и стал заведывать сверхкомплектным неимением препятствий, а главное — упорный активист. Никакого заседания не пропустил.

Когда впервые был поднят вопрос о продуктивности и бесплодии, Аттакину пришлось туго. Стали его унижать, мобилизовать, посылать в Кызыл-Орды и Тар-Тарары, но он благополучно возвращался, предъявляя солидные счета суточных и прогонных. Выходило себе дороже. Пробовали намекать: „Ушел бы ты, дескать, братец, подобру поздорову“, — не уходит, отмалчивается. Копали, — держится за общественность. Прогнать, конечно, было бы можно, но никто не мог довести дело до конца по причине всеобщей текучести личного состава. Только собираются подписать приказ об уп-

разднении Аттакина, смотришь, — сами подписчики улетучились, как пар.

Иные мечтатели надеялись на случай.

— Авось, проворуется или выиграет кругосветное путешествие!

Но Аттакин не проворовывался и путешествий не выигрывал, у него даже и лотерейных билетов не имелось.

Словом, прижился прочно, да и мы к нему привыкли.

Но вот совсем недавно Аттакин внезапно отдался общей непоседливости. Его перемаили в Отчечуч.

На радостях мы даже стали, было, его отговаривать, лицемерно просили остаться, но он был непреклонен. Знать, обиделся он на наше хамство и неблагодарность. Поднесли мы ему на прощанье засупоненный портфель и облегченно вздохнули. Но торжество наше было кратковременно.

Приходим на другой день бодрые на работу, потираем руки и вдруг видим — сидит на аттакинском месте уже новый паразит и притом значительно хлеще.

— Имею честь представиться, — цинично объявил он, — ваш новый паразит — тов. Штурмов! Мы так и ахнули. Одна наружность т. Штурмова не предвещала ничего доброго. Рост — станционное-жандармский, на лице — бутылочный шрам. В зрачках — алчность, а руки заранее обозначают условные рефлексыв хватательных движений.

— Ничего, не падайте духом, — успокаивают нас опытные месткомовцы, — такой человек долго не усидит. Либо попадет под суд либо устроится в другое место с повышением. Мы немного приободрились.

— Ладно, потерпим!..

Но через три дня случилась нежданная беда. Возвратился Аттакин.

— Привык я, братцы, к вам. Здесь мне удобнее, а личных счетов я на вас не имею.

Мы думали, — Штурмов полезет на стену, а он — ничего.

— Садись, друг, сметы на всех хватит... Нам бы даже еще одного, — вышла бы настоящая тройка!

Ужас! Ужас!

И живем мы теперь с двумя бесплодными паразитами. Одного-то мы еще кое-как можем прокормить, но двух — не под силу. Куда девать второго?

Пока суть да дело, мы просим взять у нас хотя бы тов. Штурмова. Ведь есть же где-нибудь вакансии для него. Мы согласны и на какой-нибудь обмен или компенсацию. Для ясности повторим: меняем на меньший размер двух собственных паразитов, прекрасно устроившихся на солнечной стороне, со всеми удобствами, вместе или порознь, уплатим выходные, вездные и ремонт в санатории. Возможны, как говорится, самые различные комбинации.

Во всяком случае, избавиться нам от сверхкомплектного бесплодия срочно необходимо. А то сами понимаете: время наступает горячее.

Б. САМСОНОВ

ВИЗИТ ЮВЕНАЛА

Раз в Риме, в древности, в журнал

Пришел сатирик Ювенал.

Сатиры отроду не нюхав,

Его редактор не узнал

И говорит:

— Вы — Бухов?

Отсюда и мораль:

Своих сатириков узнать нам не пора ль!

эмилей кроткий

КРЕДИТОР В ВАТИКАНЕ

ПАПА: — „Денег нет у меня, один крест на груди“.

(Поется на мотив „Аве Мария“).

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

(ПИСЬМО ГЕНРИХУ ГЕЙНЕ)

Генрих Гейне, Генрих Гейне,
Величайший из великих,
Прочитайте эти строки
И за дерзость извините,

Но уж очень интересно
Посравнить с эпохой вашей
Нашу стройку, нашу эру
Днепростроев и Сельмашей!

Ваши мысли, Генрих Гейне,
Ввысь наслысь быстрее вежи,
И хоть вам жилось труднее,
Но зато писалось легче!

В ваши годы, в ваше время —
Долго ль гнаться за примером —
Даже Гервег, жалкий Гервег¹
Слыл революционером!

Вам мешали, вас стесняли,
Вы преграды брали с бою,
Но от этого талант ваш
Разрастался сам собою!

П ред вами, Генрих Гейне,
Было много вражьи полчищ!
Было, было, где разлиться
И презрению и желчи!

Ну, а нам, достопочтенный,
Нам живется по-другому, —
И препятствия такие
Нам, пожалуй, незнакомы.

Мы эпоху любимы,
Нам оказано доверье,
Нас печатают успешно
И дают нам в руки перья.

Но в кого же я направлю
Сатирические стрелы?
Кто объект моих насмешек,
В общем, так сказать, и целом?

Поглядите и судите,
Кто обласкан нашей музой:
Это пакостный вредитель,
Это напман толстопузый,

Это бюрократ нелепый
Иль приказчик из рабкопа!
Для подобного объекта
Нужен ли язык Эзопа?

О, с каким бы наслаждением
Этих гадин тупорылых
Я в печати нашей красной
Обличал бы и клеймил их, —

¹ Георг Гервег, немецкий мелкобуржуазный поэт, выданный в эпоху революции 1848 г.

Если б органами власти
Эти гады-человечки
Не ссылались по заслугам
В отдаленные местечки!

Вам писалось легче, Гейне,
Вы недолго выбирали:
Клерикалы и педанты,
Короли и либералы,

Филистеры, фарисеи, —
Приглядеться хорошенько,
Так к услугам вашим были
Превосходные мишеньки!

А для нас, товарищ Гейне,
Эти темы несподручны,
Потому что в нашем мире
Все как есть — благополучно!

Мы ругаем Авербаха
Очень искренно и шибко,
Но не раньше, чем признает
Авербах свои ошибки.

Я и сам боюсь посланье
Продолжать в подобном тоне:
Вдруг поэт Иван Молчанов
Обвинит меня в уклоне!

Как же быть нам?
Что нам делать?
Я прошу благоговейно
Посоветуйте, великий,
Добрый, старый Генрих Гейне!

Как советскому поэту
Стать достойной вашей сменой?
Уделите хоть немного
Вашей злости несравненной.

Чтоб не бить клопов из пушек
Нашей истинной сатире,
Чтоб вести обстрел покрепче
И поглубже и пошире,

Чтоб советских фарисеев
Обличая с должным пылом,
Мы сцепились бы с мещанством,
С тем, что пошло, с тем, что гнило,

Чтоб в сатире пролетарской
Злость сивозила, а не шалость,
Чтоб от наших от насмешек
Хоть кому-нибудь икалось,

Чтоб „ответственный работник“
Или кто-то в этом роде,
Отошел от патефона,
На котором он заводит
„Эти черные глаза!“

А Р Г О

КРОКОДИЛЬИ НЕЗАБУДКИ

(Очиствительные)

Десятого декабря некий дядя прочитал одиннадцать раз извещение о чистке в „Правде“, не веря глазам своим.

Поверив, воскликнул:

— Я и сам любитель темпов, но нельзя же так! Не успеешь восстановиться, — пожалте, снова!

Во время чистки возможны, конечно, и неточности. За двуличие, например, попадет не вдвое, а втрое и даже безо всякого счета.

А посему — не рассчитывай!

Один весьма самоуверенный товарищ ходил с высоко поднятым носом:

— Я чист перед партией. Я не скрывал перед ней ни сомнений, ни колебаний, ни убеждений. Да и как я мог скрывать, когда их у меня никогда и не было! Тем не менее результаты получились исключительные!

Конечно можно взглянуть на чистку партии весьма узко и односторонне.

Наш управдом, например, радуется, потирая руки:

— Ну, теперь будет погашена задолженность по квартплате, подчистятся сами квартиры, для утиля дадут много бутылок, обращаться со мной будут вежливо и так далее и тому подобное.

Такой односторонний взгляд, разумеется, следует считать деляческим, тем более, что сам управдом кандит.

Б Е С

ТРУДНО

Работать в одной комнате вдвоем — мужу с женой — очень трудно. Особенно, когда муж, срочно готовясь к очередному политкружку, вслух подзубривает нужные цитаты из материалов XVII партконференции. Особенно, когда жена, тоже срочно готовясь к семейной встрече нового года, тоже вслух подсчитывает количество нужных гостей и исчисляет фундаментальные вложения.

А именно так оно и было.

— „Конференция считает, что основной...“ — бубнил муж, бегло проглядывая столбцы резолюции, — „основной политической задачей...“ Во, это самое... „преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей и превращение всего трудящегося...“ Жена, собрав кожу лба в продольные складки, вдумчиво бормотала:

— Голиковых... двое... да нас двое — четверо. Да тетя Фуня... Слушай, Володя, неужели ты не можешь молча читать?

— А неужели ты не можешь молча считать?

— Ты отлично знаешь, что я иначе не сообщу?

— А я иначе не запоминаю. „...Всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей...“ И, наконец, у меня более важное дело! „...бесклассового социалистического общества...“

— Тетя Фуня — шестеро... Нет, что я: пятеро, пятеро тетя Фуня... Подумаешь; более важное у него! Твой кружок каждую декаду бывает, а новый год встречают только раз в год. Другой бы помог жене!

— А новая пятилетка начинается раз в пять лет... то-есть в четыре года. Ты пока только ориентировочный список составь... „На основе ликвидации паразитических классовых элементов...“

— С тетей Фуней пятеро... — страдальчески повторила жена. — С Ченцовыми семь, с Розенблатами, значит, девять, да если Кругликов...

— Постой, — сказал муж, — не надо Кругликова. Ну, зачем он?

— Ни за чем особенным. Просто так. Он сам говорил, что хотел бы у нас встречать.

— Мало ли что хотел бы! Приглашать Ченцовых, приглашать Голиковых — и вдруг Кругликов тут же какой-то!

— Какой же какой-то? Он симпатичный, неглупый...

— Не спорю. Но для Голиковых и Ченцовых это все-таки не компания. Та же Голикова закрутит носом и через полчаса потянет Семен Михалыча домой. Ну, впрочем, как знаешь.

„...Строителей бесклассового общества...“

— Ну, что ж, раз уж ты так не хочешь... С Розенблатами — девять...

— Да не не хочу я, а неудобно. „...Рабочий класс обеспечит лишь... преодолевая буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки...“ Кругликов очень хороший парень, и обычно я всегда рад его видеть, но... „...среди трудящихся и ведя настойчивую работу...“

— Хорошо, — вздохнула жена, — Кругликова не надо. Теперь, значит, Доброхотов... Вот уж не хочется эту свинью толстому орду звать!

Муж пожал плечами и усмехнулся:

— Не зови! Кто ж тебя заставляет? Но Доброхотов привезет с собой патефон...

— А главное, — сказала жена, — без него с закусками трудно. Из трех-то распределителей он и балыку достанет, и консервов, и фруктов...

— Вот то-то и есть. Если бы не Голиковы, — можно было бы и попроще, но с Голиковыми — неловко. А Доброхотов, хоть и скотина... „Преодолевая буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки...“

— Да подожди ты с предрассудками! Значит, десять, а с Петровыми — двенадцать. Теперь — насчет сметы. Четыре бутылки вина...

Муж взглянул на часы и заткнул уши:

— Не могу! Вечером насчет сметы! Очень трудная и очень важная тема, пойми ты это! „...Преодолевая буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки среди трудящихся и ведя...“

— Но войди же в мое положение! — с упреком сказала жена. — Ведь тяжело же, когда...

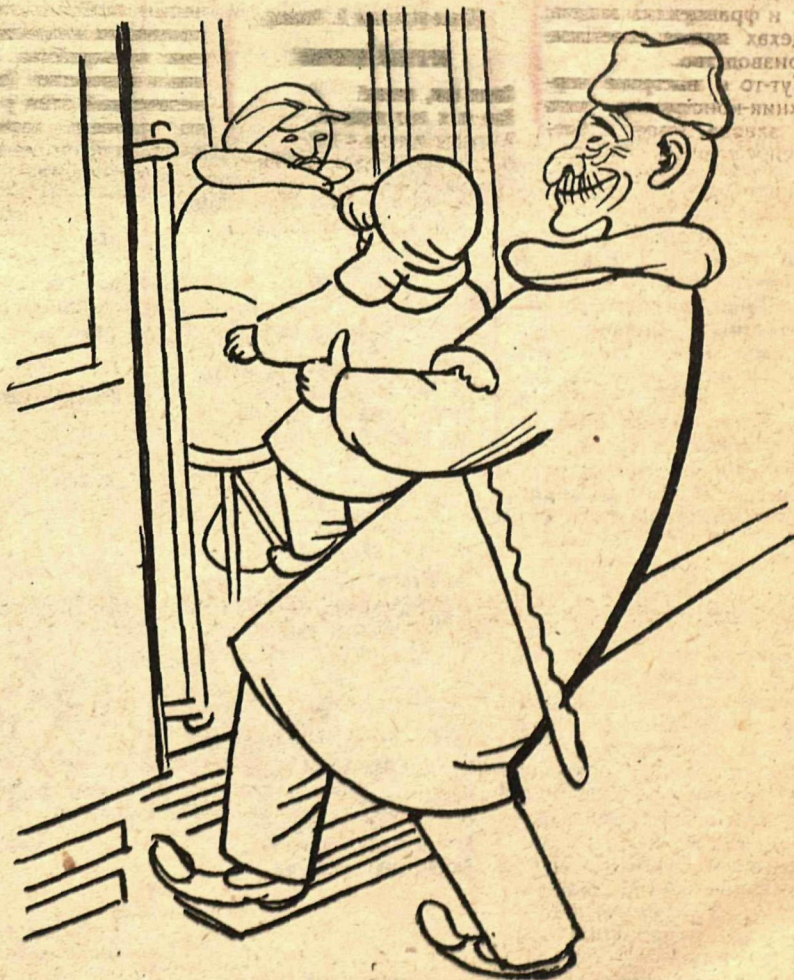
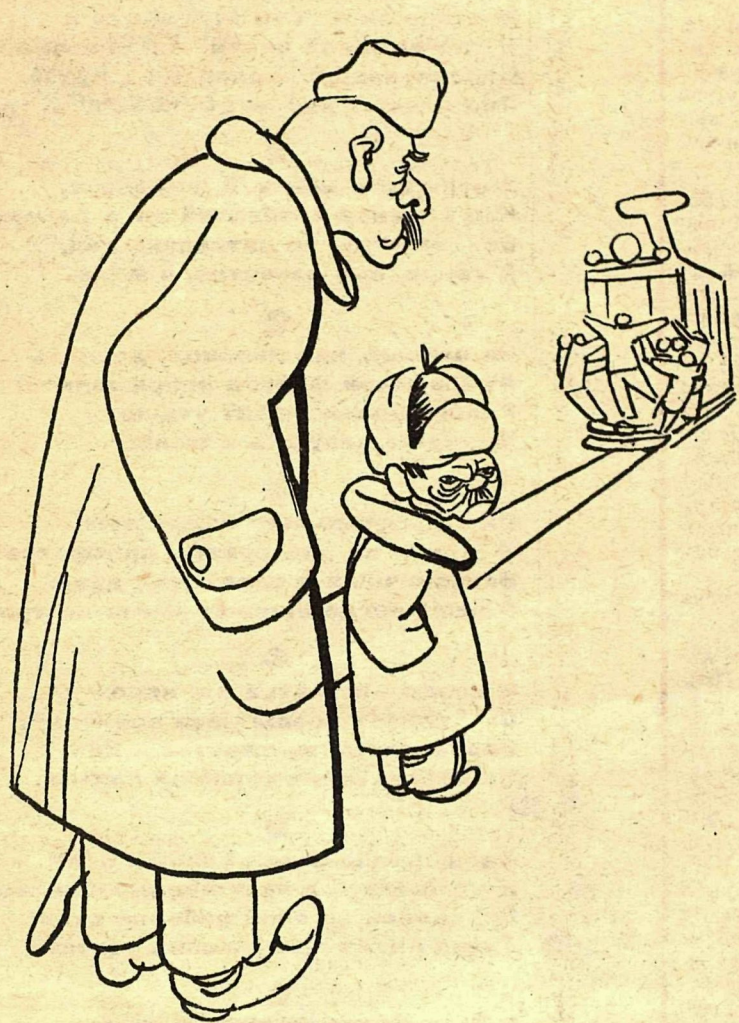
— А ты думаешь, мне легко?.. — с укором ответил муж. — „...и ведя настойчивую работу по социалистическому их перевоспитанию...“

Ему, конечно, труднее.

ГРАМЕН

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЛИЛИПУТА
У ТРАМВАЙНОЙ ОСТАНОВКИ

(п. г.)

ПРОГУЛКА ВТРОЕМ

(Запись знаменитостей)

По зимнему бульвару шло нас трое. И каждый был по-летнему настроен. Один сказал: „Я одал стихи — хлам Для сборника издания Гихла“. Другой сказал: „Ну, брат, сдавал пока ты, Я в Изюгаз загнул муру — плакаты“. А третий молвил: „Ну-ка, братцы, глянь: Вот марка — Музбиз, а песня — дрянь“. Так, рассуждая с гордостью и жаром, Шли знаменитости по зимнему бульвару, И тускло шурилась немая луна... Халтурила, пожалуй, и она!

Р.

ОСТРОУМНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Директор завода „Теплоэлектрик“ (Москва) тов. Смирнов склонен к умственным наслаждениям: он любит шахматы. Разумеется, сама по себе эта благородная и древняя забава не представляет ничего дурного. В данном случае осложнение вызывают часы игры. Тов. Смирнов выбрал для этого крайне неудобный отрезок времени: служебное время.

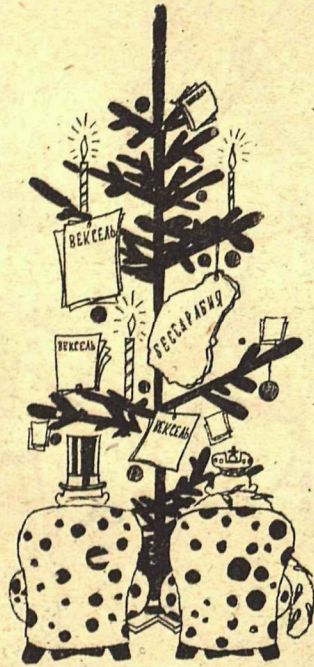
Далее: в качестве партнера могущественный директор избрал себе техника-конструктора на введенном ему заводе т. Шабловского. И вот, пока в директорском кабинете процветает испанский гамбит и французская защита, в цехах падает советское производство.

Тут-то и выступил чертежник-конструктор того же завода Уткин с блестящим советом. На официальном бланке рационализаторского предложения он написал свой проект: на предмет шахматной игры с директором откомандировать статистика Гречишкина; работа статистика оплачивается гораздо ниже, чем труд техника-конструктора, статистика легче и заменить в работе, таким образом умственные оргии директора обойдутся государству значительно дешевле. (Копия этого предложения с бранчливой и водянистой резолюцией директора Смирнова получена нашей редакцией).

Мы приветствуем тов. Уткина за его остроумное по форме и смелое по существу напоминание своему начальнику о его прямых обязанностях. Нам остается только развить этот проект: нельзя ли и директора Смирнова заменить менее ценным работником? Пусть бы играли между собой два статистика. А директор и конструктор отправляли бы возложенную на них работу. Впоследствии даже обоим статистикам можно было бы сократить, — и все совершенно наладилось бы!

ЕЛКА ВРУМЫНИИ

(М. Храпковский)

— Невеселое у нас рождество. Одна хорошая игрушка, да и та краденая.

ПРОХОДЯ ПО УЛИЦЕ

(Стихо-зарисовки Р. Романа)

МРАЧНЫЙ МУЖЧИНА

Свети нам, солнце!
Нам не к лицу морщины
И складки мрачные у губ.
Но вот унылый шествует мужчина,
Уже походка выдает — завлук.
Да, он! И фильм в руках холодных:
„Еще о жизни земноводных“.

НЯНЯ С ЛИРИКОЙ

Малыш ревет (упал в канавку),
Но няня не подымет лба,
Красноармеец сел на лавку,
Как беспощадная судьба.

ПРИЕМ ВНУТРЬ

Шаги гремят, как сахар о совок,
И жирной важностью овита мина,
И голос первосортный, басовой...
Нет! Не завмаг, а тонна витамина.

НАЧАЛО БАЛЛАДЫ

Имели два голубчика
Одну и статью и взор...
Один был перекупщиком,
Другой был просто вор...

ГУТАЛИНОВЫЙ МАЭСТРО

Он от дождя и от усилий взмох.
И скуки вздох в его глазах печальных...

А сколько есть чистильщиков сапог,
Восторженнейших и принципиальных!

КУЛЬТЖУЛИКИ

Культработа, говоря вообще, очень почтенная область человеческой деятельности. И мы знаем на этом фронте самоотверженные, геройские поступки, вдохновенье, преданность и тому подобное. Однако как будто до сих пор никто не доходил до мошенничества на почве культработы. Ныне можем отметить и мошенничество.

Руководитель культработы дома отдыха им. Дрожжина (станция Первомайская, Октябрьской ж. д.) Бунин организовал лотерею в пользу собственного планера дома отдыха. Мы представляем себе такой вариант: на планер принимаются просто пожертвования без выдачи какого бы то ни было эквивалента. Можно помыслить лотерею в пользу того же планера, в какой лотерее выигрыши будут малоценные, скажем: пара лаптей, бутылка молока, редька и т. п.

Но т. Бунин пошел несколько иным путем. Продавая билеты по 10 копеек, он заверял, что выигрыши будут состоять из ботинок, музыкальных инструментов, молока (снабжение на полгода, на год? — мелькало у покупавших билеты граждан) и прочих предметов, ценность которых намного выше гривенника. А для розыгрыша дал перечисленные выше лапти, редьку, бутылку молока с соской.

Думаем, что мошенничество по чисто методологическим соображениям неприемлемо в качестве приема культработы. Равно, как и воровство (скажем, незаметный отъем у соседа по трамваю карманных часов на усиление средств лыжного кружка). Равно, как и вооруженные налеты (ограбление кассы агентства банка с целью приобретения библиотеки для красного уголка). В финансовой части культработы мы за рутину.

(Л. Генч)

— Вы не забыли, что в пять заседание месткома?

— Что вы! Теперь только половина пятого. Я забуду без пяти пять.

— Скажи мне, кто твой друг, — и я скажу тебе, где твой закрытый распределитель.

ЧЕЛОВЕК И ПРОФЕССИЯ

Театральный критик Ланговой,
По словам знакомых и соседей,
Человек веселый и живой
И весьма приятный собеседник.

К водке он не так чтобы охоч,
Но по дамской части — он повеса
И фокстроты поплясать не прочь
Под ночные храпы „Э-ЧЕ-Эс‘а“...

У него есть шарм. И не секрет,
Что с женой четвертой он в разводе.
Он — не стар, но интересно сед,
А такие, как известно, в моде.

Он привык, как пьяница, дышать
Атмосферой флирта напряженной:
Разведенных любят утешать
Молодые девушки и жены.

Он на „генералки“ водит дам,
И в кино на „прессовом просмотре“
Заграничных и советских драм
С ним всегда бывают дамы по три.

И везде — в театре и в кино —
Он смакует пьесы „без политик“,
Забавляет дам, смеется... Но...
Не забудьте: он суровый критик.

Называя женщин „слабый пол“
И привыкнув в этот пол влюбляться,
Он, садясь за свой рабочий стол,
Твердо чтит критические святцы.

И бесполой строгостью горя,
Он абзацы вяжет, как вериги:
„Нас, рожденных в бурях Октября,
Не пленят любовные интриги!“

Если мужа бросила жена,
Чужды нам его переживания.
Ревность нам на сцене не нужна!
Покажите нам соревнование!

Фразы, вроде: „Я живу тобой!“
„Я тобой полон“ — просто вредны.
Всем известно, — мы живем борьбой
И полны энергией победной.

Муж, жена, любовник... Позабыл
Треугольник этот даже школьник!
Дайте нам кипучей стройки пыл,
Дайте нам заводский треугольник!..

В общем — в пьесе многое старо,
Остальное — пошло и не ново“.
Монотонно бегают перо
В пухловатых пальцах Ланговой.

И разделив пьесу под орех,
Он кончает фразою загробной:
„В пьесе, правда, есть и соль и смех, —
Но к чему нам этот смех утробный?“

Театральный критик Ланговой,
По словам знакомых и соседей,
Человек веселый и живой
И весьма приятный собеседник...

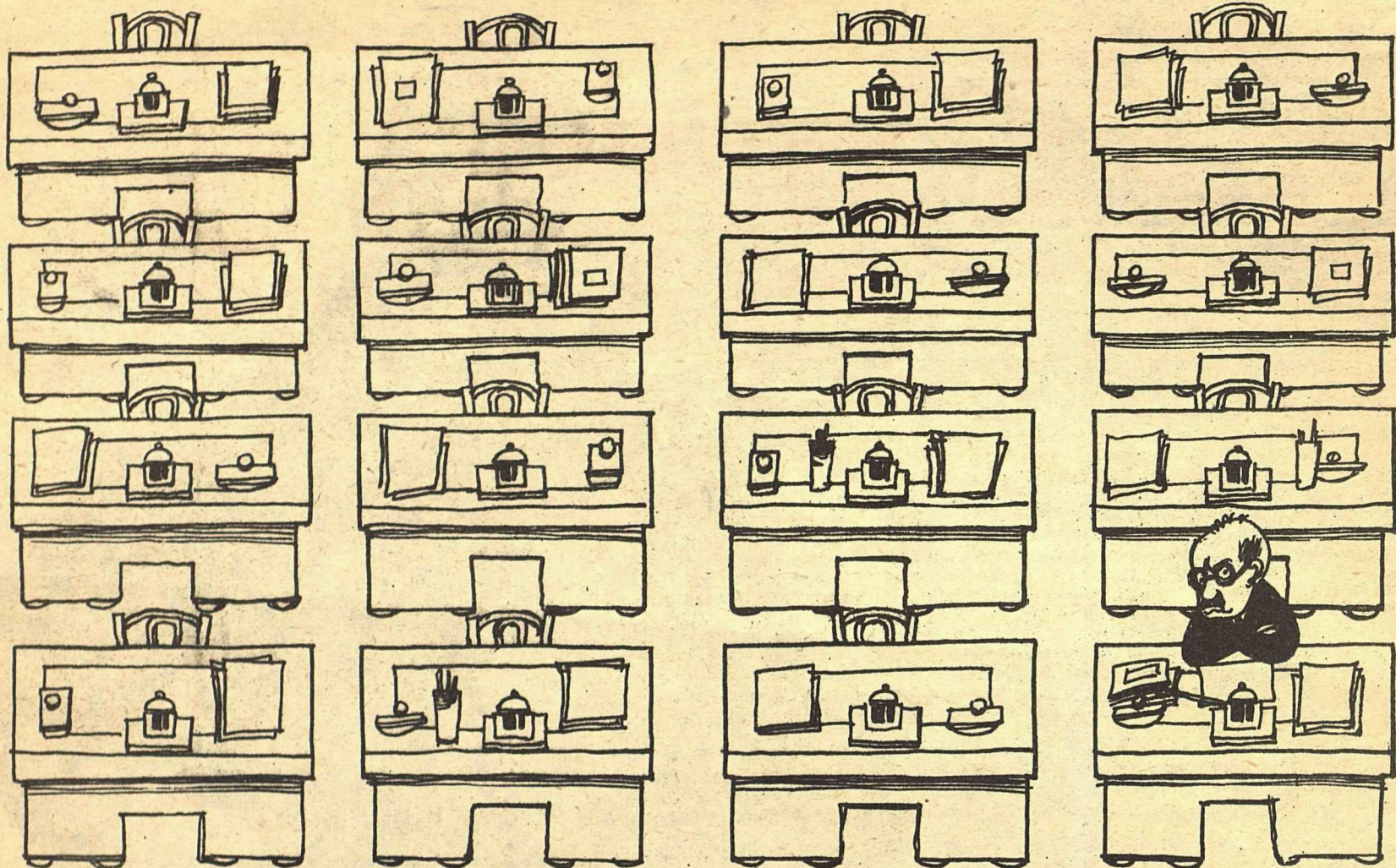
ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Топиков

— По крайней мере, меня нельзя упрекнуть в том, что я расширю штаты: было пятьсот единиц, — осталось три.

(М. Храповский)

ОДИН: — Как же я теперь буду проводить массовую работу очереди сотрудников?

РАЗВРАТИЛИ НЕМЦА

Тут недавно приезжал к нам в Москву один немец, иностранный специалист, и ужасно как этому немцу не повезло. Немец этот — господин, скорее даже товарищ Лутошка (нето он был обнемечившийся чех, нето чешский подданный, но из немцев), получил от своего учреждения комнату в одной квартире.

А квартира оказалась нехорошей. Не сама квартира, конечно, а люди, которые там жили. Бывает так, знаете, что подбирается целая квартира, и все жильцы один к одному: все друг друга обманывают, все друг с другом ссорятся, все друг у друга воруют... Ну, а немец Лутошка, как свежий человек да еще иностранец, этого как-то недоучел.

Он переехал в квартиру, а на другой день у него из прихожей украли калоши. Он думал на заграничный манер — верхние вещи оставлять в прихожей.

Потом вышло так: немец, как человек занятой, сговорился с одной соседкой, чтобы она ему готовила завтраки, ужины, стирала бы... И вот, не успеет немец выдать ей муки, яиц или мыла, соседка заявляет:

— Людвиг Оттович, мука ваша вся.

— Людвиг Оттович, ваш сыр весь.

Немец ежился, ежился, потом стал сам готовить. Белье отдал в прачечную — китайцам. Но китайцы тоже не подкачали: две полотняные рубашки заграничные обменяли на ситцевые. Притом у немца рубашки были № 42, а ему дали 36½. А попутно с этим вся квартира одалживала у Лутошки разные мелкие инструменты: ключ для открывания консервов, складной ножик с 40 предметами, щипцы, вакуу для ботинок, электрический кипятильник, чемоданчики. И тоже почти все пропало. Главное, неизвестно, с кого спрашивать вещи: взял один сосед, передал другому, другой — третьему, а третий отпирается. Вернули, словом, один саквояж, но и тот оказался со сломанным замком. Потом домашняя работница кое-чем попользовалась во время уборки. Полотер украл замшевую

жилетку. Даже одна барышня, которая ходила к немцу чай пить и целоваться, и та унесла граммофонную пластинку и вечное перо.

А к тому же Лутошка отдал поломанный саквояж в починку кустарю. Пришел в указанный срок, оказывается, кустарь закрыл мастерскую из-за налога, и адрес его никому неизвестен.

Но самое худшее было, когда Лутошка закончил свой монтаж.

Когда в квартире узнали, что завтра немец уезжает, то уж совсем перестали стесняться. То все-таки чинились, а теперь прямо взломали замок и унесли, что могли. Лутошка пришел домой, поглядел, и у него просто челюсть отвалилась.

И вот тут произошло нечто изумительное. Неизвестно, под влиянием ли этой последней кражи со взломом сломалась немецкая порядочность Лутошки, или исподволь мелким воровством подтачивалась его честность, но только Лутошка отомстил. Он уехал, захватив с собою пальто одного соседа, калоши — другого, одеяло той женщины, которая готовила ему раньше, и из кухни он унес со сковороды котлеты другой соседки. После жильцы даже удивлялись, как немец умудрился ухватить такие горячие котлеты.

Сперва жильцы хотели сообщить в уголовный розыск, но раздумали. Правда, целую неделю они обсуждали этот факт.

— Ай да немец, — говорили они, — вот тебе и честный иностранный специалист!

— Да... Теперь в его комнату поселят другого какого-нибудь иностранца, уж вы, как хотите, а я в своей комнате засов сделаю.

— А я думаю, лучше всего овчарку. Дрессированную. Как немец будет подходить к двери, она сейчас гам... С ними так только... можно!

Неизвестно, стал ли воровать Лутошка по приезде на родину. Может быть, нет, а может быть, и да. Кто его знает. Лиха беда — начало.

В. АРДОВ

**ПРОЕКТЫ
КОНДРАТА ГАЙКИНА**

Проект первый

Не раз бесились мы от злости,
В столовой сидя за столом,
Из хлеба вынимая гвозди
И прочий дефицитный лом...
Ругаем зава обалдуем,
И каждый пекаря бранит...
Чтоб зло нажить, рекомендуем
В кашню закладывать... магнит.

Проект второй

Икой замазав высокопробный
Хватает цифры с потолка.
Когда квартира высока,
Так заниматься неудобно.
Везде, на службе и в квартире,
Чтобы замазав работать мог,
У нас в проекте потолок,
Спускающийся... на шарнире!

КОНДРАТ ГАЙКИН

**РАЗГОВОРЧИКИ
ЧИСТОПЛОТНОСТЬ**

— Грязен ты, Пашка! Небось, редко в баню ходишь?..
— Ну, уж и редко!.. Я за первую пятiletку два раза ходил, а ведь ее в четыре года выполнили!

ВЕРНЫЙ РАСЧЕТ

— Я п-почему пью? Я от б-бедности пью!.. Те-теперь за порожнюю бутылку полтинник дают; ну, гляди, рубля п-полтора в день на обед и напьемся!..

БЕРЛИН

(Отрывки из книги)

ЖУРНАЛИСТ

В Германии три тысячи буржуазных газет.
В Германии пятьдесят тысяч журналистов.
И вот портрет одного из них.

Его зовут Густав Плаудер.

До войны занимался мошенничеством.

Во время войны писал романы о русских казаках, о людях с красными лампасами и воинственным чубом. Он писал, будто сам видел, что казаки клинками отрубали уши и носы у пленных немцев и заставляли их есть эти органы обоняния и слуха в сыром виде. Он подстрекал немецких солдат делать то же самое с русскими и французами.

Он выслужился своим патриотизмом и пошел в гору. Теперь он редактор газеты. Во время президентских выборов его хозяин был против Гинденбурга. Тогда Плаудер писал:

„Гинденбург — старая развалина, выживший из ума старик с видом идиота, у него изо рта течет слюна, стекая серебряной нитью к орденам на груди“.

Гинденбург победил. Газета переменяла фронт. И тогда Плаудер писал:

„Гинденбург — могучий государственный муж, сохранивший молодость, несмотря на свои 70 лет, у него твердая походка и свежее лицо юноши. Гинденбург — величайший ум Европы“.

Плаудер цинично откровенен. При встрече с друзьями он самодовольно хохочет над своими литературными проделками и хвастает своими выдумками о России. Он пролетел через СССР на дирижабле „Граф Цеппелин“ в первый раз, когда дирижабль, вопреки обещанию, никаких остановок у нас не сделал, ссылаясь на дурную погоду. Он смотрел на СССР с высоты тысячи метров и писал, будто сам видел, как полиция загоняет крестьян в колхоз резиновыми дубинками.

Недавно его газета вышла с аншлагом во всю первую полосу:

„Большевики раскаиваются! Наконец они поняли свою ошибку!“

Газета сообщила своим читателям, что на секретных заседаниях московского партактива выступил известный большевистский вождь и заявил:

„Все годы существования советской власти — историческая ошибка. Опыт показал, что без капиталистов не может существовать ни одно государство. Мы также не можем обойтись без капиталистов. К сожалению, мы так разбили русскую буржуазию, что восстановление ее почти невозможно. Дружными усилиями буржуазия будет восстановлена. Необходимо, не теряя ни минуты, вернуться к капиталистическим методам“.

Через некоторое время та же газета выступила с новой сенсацией. Она писала о секретном заседании Коминтерна, на котором решено немедленно покончить с европейской буржуазией, и в первую очередь с немецкой. Газета сообщает, что немецким коммунистам приказано в ближайшее время захватить власть, в противном случае Москва их всех лишит жалования.

Плаудер сопровождает эту информацию своими комментариями и апеллирует к немецкому национальному чувству следующими словами:

„До каких пор мы будем терпеть в своей стране подобных наемников?“

БЕГУН

У ворот разгуливает жирный полицейский, сверкая начищенными крагами. Ворота ведут во двор, где помещается выплатной пункт, — там выдают безработным пособие. В глубине двора стоит длинный парень в стоптанных туфлях, в чулках до колен и широких брюках, он без кепки, кудрявые пряди свисают на свежие, покрытые первым пухом щеки. Парень держит на руках отпечатанные листки и кричит:

— Нелегальная газета запрещенного союза красных фронтовиков, цена 5 пфеннигов!

Безработные суют парню в руки медяки, берут газету и молча уходят.

Я покупаю газету и говорю парню:

— Почему ты так кричишь, ведь рядом стоит шуппо...

— Ничего, — отвечает парень, улыбаясь, — я поставлен сюда, что у меня длинные ноги. Я лучший бегун!

ЛЮБОВЬ К РАБОТЕ

Сегодня у нас была Марга. Она рассказала:

— Я наняла домашнюю работницу за 35 марок в месяц при условии, что она будет приходить на работу три дня в неделю, на 3—4 часа в день. Она же приходила ежедневно и работала до поздней ночи. Ежедневно я ей говорила:

— Мы ведь условились на 3 дня в неделю!

Она отвечала с мольбой в голосе:

— Разрешите приходить ежедневно, у меня квартира нетопленная! Мне холодно... Теперь весна, квартиру топить не надо. Работница попрежнему приходит ежедневно, остается до поздней ночи и выскивает себе работу нарочно. Ей показалось, что она где-то заметила клопа, и она перевернула всю квартиру, все перемыла, перечистила. Меня это, наконец, возмутило, и я ей сказала строго:

— У нас есть условие... вы должны работать три дня в неделю. Я требую, чтобы вы соблюдали условия. Я не хочу вас эксплуатировать, я же коммунистка!

Работница смущенно опустила голову и, еле выжимая слова, сказала трагически:

— Умоляю вас, не запрещайте мне приходить ежедневно. Я вас обманывала, что у меня в квартире плохо. У меня совсем нет квартиры.

ПРЕДСКАЗАНИЯ

Вот предсказания, которые Германия слышала за последние годы от своих рейхсканцлеров.

БРЮНИНГ:

— Зима 1931 года будет самой худшей зимой, которую переживала послевоенная Германия...

ФОН-ПАПЕН:

— Зима 1932 года будет худшей зимой, которую переживала послевоенная Германия...

ФОН-ШЛЕЙХЕР:

— Зима 1933 года чревата величайшими потрясениями. Она будет самой худшей зимой, которую когда-либо переживала Германия...

У ВХОДА В КИНО

— Почему такой шум доносится из зала? Ведь картина немая.

— Это публика воет.

(М. Храповицкий)

В ОБХОД

— Вы собираетесь уволить одного прогульщика, и я — одного. Что же выйдет? Ваш поступит ко мне, а мой — к вам. Зачем вся эта возня? Оставьте их на месте.

Г. КИШ

ПОД НОВЫЙ ГОД

(Л. Бродаты)

ТРАГЕДИЯ НА МЕЩАНСКОЙ

Началось это так:

Ответственный с'емщик Котик купил по случаю громадную картину в огромной золоченой раме. На картине была изображена роскошно развалившаяся полуголая, древнегреческая баба, возле которой стоял мужчина с голыми волосатыми ногами. Картину повесили в центре комнаты, возле скрюченной, ободранной кушетки, которую жена Котика называла почему-то «козеткой».

У соседа Котика, Ужакина, картина вызвала бурную дискуссию и острую зависть.

На следующий день Ужакин с женой отправились куда-то и принесли граммофон. Граммофон поставили в переднем углу, возле стенки Котика, и начали заводить его с раннего утра до позднего вечера.

Жена Котика ходила бледная и расстроенная, но делала вид, будто ничего такого не случилось.

Вечером Ужакиным кто-то оборвал звонок.

Ужакин купил пластинку „О, эти черные глаза“ и в пику Котикам заводил ее с утра до вечера.

Котики бледнели, худели и лишались аппетита. И, наконец, в один прекрасный день привезли пианино.

Жена Ужакина весь день пролежала в постели.

— Ну, и чорт с ними, с мерзавцами! — плаксиво говорила она мужу. — Пусть покупают пианины. Не знаю только, кто на них играть будет. Эта старая банщица не знает даже, с какой стороны подходить надо к инструменту.

В этот день Ужакина, как бы нечаянно, поставила горячий утюг на хвост ангорской кошки Котиков. Вечером Котики в отместку подкрались к комнате Ужакина и напустили в скважину клопов, предварительно собранных в спичечную коробочку.

Напряжение нарастало.

Котики за недорогую плату наняли ученика музыкального техникума, который целый день играл гаммы, приводя в неистовство Ужакиных и заглушая граммофон.

Но Ужакины не сдавались. Однажды, пристроив рупор радио к самому тонкому месту перегородки, Ужакины уехали на несколько дней, включив радио.

Горластый рупор, в течение 24 часов ни на минуту не умолкая, испускал сквозь перегородку в комнату Котиков потоки культурно-просветительного материала. Он орал, разливался трелями, гремел в бубны, бил в барабаны, читал доклады и лекции о погоде. В два часа ночи неутомимое радио начинало свежий доклад о разведении кроликов, а в 5 часов утра из него доносился удручающий — Вставайте, вставайте! Будем заниматься гимнастикой. Раз, два, левой, правой. Трам-тарарам, тарарам, тарарам!!!

Котики выходили из себя, бесновались, посылали проклятия радио, стучали в стенку кулаками.

В день, когда торжествующие Ужакины вернулись в квартиру, подстерегавшие Котики набросились на них, ударили Ужакина доской от кровати, а Ужакину большим ведром „утильсырья“.

В вечерней газете появились сразу два объявления:

„В центре города меняю комнату с удобствами, малонаселенную, тихие, симпатичные соседки“.

Через неделю, Котики выехали из квартиры. В тот же день вечером выехали и Ужакины. Расставив обстановку в новой комнате, Ужакины облегченно вздохнули и завели „О, эти черные глаза“.

Тогда дверь соседней комнаты открылась и из нее высунулась голова... Котика, только утром переехавшего сюда. Он с ужасом прислушивался к знакомому шипению.

Всю ночь в квартиру вызывали докторов. Жена Котика лежала в глубоком обмороке. Жене Ужакина прикладывали лед на голову.

БЕН-ГАЛИ

С О В Е Т

Когда тебе кормиться нечем,

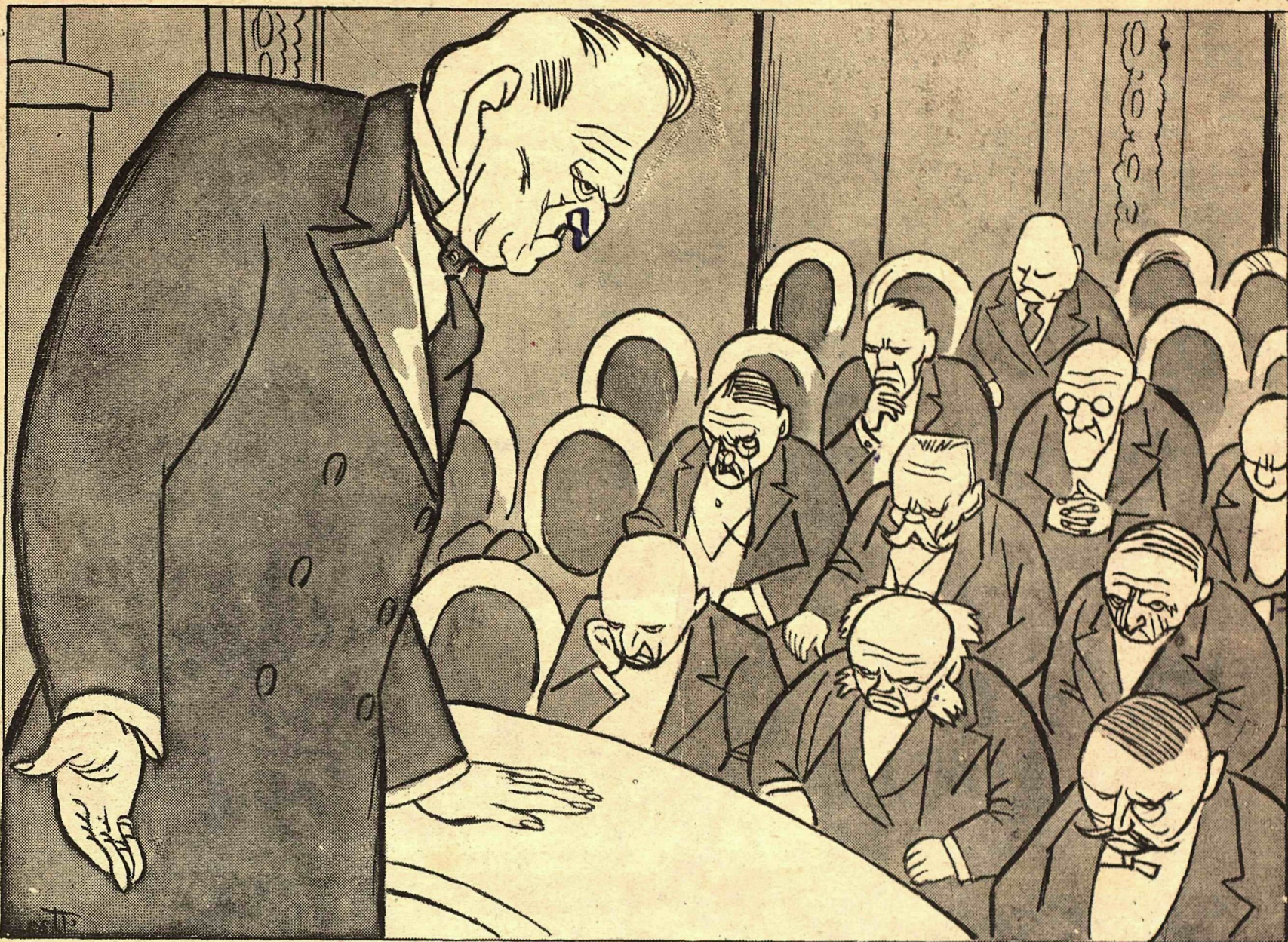
Не унывай!

Из старых фарсов делай скетчи

И продавай!

ВАС. К.

ОПОРТУНИСТ:— Ну с, повидимому, с первой пятилеткой справились. Не забыть бы с завтрашнего дня начать сомневаться во второй.

МИНИСТР ФИНАНСОВ (отчитывается): — Мы сделали все, что должны, но... должны за все, что сделали.

РАБОТА БЕЗ ЗВЕЗД

Есть у меня знакомый кинорежиссер. Он сейчас усиленно старается, чтобы звуковое кино было созвучно эпохе. Мой знакомый режиссер думает перецеголять своей новой горящей постановкой все встречные планы. Название фильма он еще не придумал. Но это не так важно. Важно то, что в новой фильме, предполагающей удивить весь Советский союз смелостью и свежестью, 45 мужских ролей и только 2 характерных женских роли — бабушка 62 лет и зам. бабушки — 54 года. Я ужасно заинтересовался, почему это у нас в каждом боевике 40 мужских ролей и всего одна-две, много три — женских. В «Путевке в жизнь» переживает и умирает одна мамаша. В «Златых горах» показывается только мужская уборная и сверх ее лишь одна женщина, художественно щелкающая подсолнухи в течение трех минут под акомпанемент «Златых гор». В «Делах и людях» звучит всего один женский голосок за занавесочкой, украденной у французского режиссера Ренэ Клера. А о «Снайпере» и говорить нечего. Картина целиком фронтная. — Что же это такое, — пристал я к знакомому кинорежиссеру. — Почему в наших боевиках или нет совершенно женских ролей или мелькают только одни характерные женские лица с курносими носами и широкими скулами.

Эти характерные лица гораздо выгоднее было бы не показывать в кино, а ставить у выходов из рабочих столовых, у ящиков с ложками. Посмотришь на нее — руки сами затрясутся, и ложечка брякнет об ящик. Почему бы вам не показать в ваших картинах красивых женщин? Режиссер пробурчал, чуть-чуть сердясь: — Нельзя. — Почему? — Видишь ли, — сказал режиссер, — тут вот в чем дело: сейчас мы все фильмы ставим страшно ударно — в два месяца, в три, ну, в четыре, сейчас очень быстро нужно снимать. Ну какое же отношение имеет женская красота к быстроте с'емки? — Характерные женские лица, друг мой, конечно, не имеют к ней отношения. Они мигом снимаются, сценарист на них не смотрит. Режиссер никакого внимания не обращает. Постановщик не придает им никакого значения. Кинооператор отворачивается, когда вертит аппарат, а зрители плюют, когда их смотрят на экране. Словом, здесь быстрота и согласованность у всех. — Ну, так что же, почему же нельзя заменить их красивыми женщинами? — Никак нельзя, — вздохнул режиссер. — С ними приходится слишком много времени во-

зиться. Вот, например, я ставил картину «Красота и эпоха», и в ней главную роль играла красивая женщина. И что же ты думаешь? Она ужасно не понравилась нашему директору. Он сказал: — Знаешь, у ней глаза не производственные. Таких глаз на производстве не бывает. Он предлагал ей заходить завтра и вообще обратиться по глазным вопросам к главному консультанту фильма. В хождении с глазами прошло полтора месяца. Когда дело с глазами разрешилось в положительную сторону, главному консультанту не понравился ее нос. Он конкретно заявил: — У вас, товарищ, нос совсем не цеховой. Таких носов у работниц не бывает. — Что же мне делать? — спросила актриса. — Не знаю, — отвечал идеологический консультант, — можете обжаловать свой нос в Главискусство. Пошла она в Главискусство и Мосискусство. Так и прошло четыре месяца. А с'емка в это время не производилась. И что же думаете, мне за это строгий выговор влепили. После этого выговора я наотрез отказался от красивых женских ролей. С красивыми женщинами — одна возня и хлопоты. Так мы без звезд и «работаем».

ПАВЕЛ ЧЕРЕНКОВ

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ || АДРЕС РЕДАКЦ.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-16. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24, 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ“ — 60 коп. в месяц. Подписки принимаются только ПОЧТОЙ.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануильский, Л. Митрицкий
Зав. редакцией И. Абрамский. Ответственный редактор М. Мануильский

Москва, Изд. № 12/2. Сдача текста и рисунков — 11/ХП. Подпись к печати — 19/ХП. Статформат А9 — 220 × 333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В-45162. 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал, 49. Зак. № 3156. Тираж 400.000 экз.

СВИСТАТЬ ВСЕХ НАВЕРХ!

Лишь бобриковая кепка, слегка заломленная на затылок открывавшая, подобно последним фасонам дамских шляп, сектор лба, выдавала кое-какую загогулину его души. На его голове более уместна была бы сверкающая, как воскресный провинциальный самовар, каска пожарного или моряцкая бескозырка с черными ленточками, овсяными ветрами обоих полушарий.

Он заведывал промыслово-кооперативной артелью „Чернильный орешек“. Артель занималась выделкой чернил и чернильного порошка из химических карандашей. Иногда в артели бывали прорывы в промплани. Обычно это случалось в конце месяца и ежемесячно. Здесь способности заведующего разворачивались во всю ширь. До этого он скучал, придумывал проекты сигнальных тревог и зло издевался над Малининым и Бурениным и К-о:

— Ах, Малинин, соавтор Буренин, Евтушевский, Арженников! Как вы разлагали юношество!..

Путешественники у вас выходили в города и делали, согласно ответу, по 26 верст в день. Разве так должны были ходить эти Христофоры? В первые дни они могли не торопиться, идти с развалючей, хотя бы по 6 верст в день, а под конец, когда чувствовали прорыв, должны были нажимать, переходя в марафонский бег. Иначе авария... Свистать всех наверх!.. Богородская, качай!..

Последние слова были его знаменем: „Свистать всех наверх! Богородская, качай!“

Он признавал лишь аварийные способы работы. В конце месяца, когда назревал очередной прорыв, он преображался. Он не спал, бегал по артели, отдавал распоряжения:

— Зачинщиков карандашей перевести на бессменную работу! Миюю организован штаб по толчее графита. Начальник штаба тов. Фабер-Ивановский! Никому не покидать своих постов впредь до особого распоряжения!

Глаза его сияли. Он ожил. Он творил:

— Надо бы устроить сверху над артелью общежитие сотрудников, и по команде „свистать всех вниз“ сотрудники по шестам спускаются в помещение „Чернильного орешка“... Отличный проект!..

Он восхищался своими аварийными соратниками.

— Читали? Александринский театр праздновал юбилей. Приказом по дирекции был организован штаб по уборке мусора после ремонта здания...

— А зачем это они так? — удивлялись кое-какие слушатели. — Разве мусор нельзя убрать без штаба?

— Авария! Иначе не успеть к юбилею. Прораб не спал 40 дней.

— Что же они не рассчитали свою работу, — продолжал настаивать нераскаянный слушатель. — Ведь к юбилею можно было бы подготовиться загодя. Юбилей — не неожиданность... А тут вдруг СОС, штабы там разные...

— Вы еще скажете, можно работать без аварийных методов? — охал заведующий артелью „Чернильный орешек“. — Во-первых, это невозможно и, во-вторых, померкнет тогда вся поэзия для нас, морских волков... Да что театр!.. В кино готовили к октябрьским дням картину „Встречный...“ Путешественники ходили не по Евтушевскому. Хватились за работу в последние месяцы... Были организованы штабы, режиссеры не спали, актеры работали по 19 часов подряд...

— Неужели они раньше не знали, что к 7 ноября надо дать картину? Можно было б проработать картину не наспех, а вдумчиво... Куда годен актер, работавший 19 часов? Почему нельзя было готовить картину не за два месяца, а за пять, чтоб дать дост...

— Толкуйте... Без аварийных методов не проживем... И ведь какая прелесть — ночью и днем, днем и ночью, работая по-аварийному, на сверхурочных сыплются пакетики с чернильным порошком „Чернильный орешек“...

Вчера, хотя вчера был конец месяца и в артели назревал штатный прорыв, заведующий ходил хмурый:

— Замахиваются уже на нас. Не успеть в „Правде“ читали? Пора, говорит, изжить аварийные методы работы. Это про СТЗ. Там, видно, наши же морские волки сидят... Ну, если будут нажимать, уйду в пожарные или в „Скорую помощь“... Я без аварий жить не могу.

В. ТОБОЛЯКОВ

1933

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 год 10 р. 80 к.
„ 6 мес. 5 р. 40 к.
„ 3 мес. 2 р. 70 к.
„ 1 мес. — р. 90 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 30 К.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПИСЬМОСОЦАМИ И ПОЧТОВЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ ПО ВСЕМУ СССР.

К Р О К О Д И Л

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ В СССР ЕЖЕДЕКАДНЫЙ ЖУРНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ И ЮМОРА (ИЗДАНИЕ ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“)

„КРОКОДИЛ“ СУЩЕСТВУЕТ 11-й ГОД. ● „КРОКОДИЛ“ БЬЕТ ПО ПРАВЫМ ОПОРТУНИСТАМ, „ЛЕВЫМ“ ЗАГИБЩИКАМ, ПРИМРЕНЦАМ, НЫТИКАМ, ГОЛОВОТЯПАМ, БОЛТУНАМ, БЮРОКРАТАМ, АРАПАМ, РВАЧАМ, ПРОГУЛЬЩИНАМ И Т. Д. И Т. П. ● „КРОКОДИЛ“ БОРЕТСЯ ЗА ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЕРЕЖИТКОВ КАПИТАЛИЗМА В ЭКОНОМИКЕ И СОЗНАНИИ ЛЮДЕЙ. ● „КРОКОДИЛ“ ДЕРЖИТ В ОСНОВНОМ КУРС НА ПЕРЕДОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАБОЧЕГО. ● „КРОКОДИЛ“ В 1933 ГОДУ БУДЕТ УДЕЛЯТЬ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ И БЫТА, И В ЧАСТНОСТИ ВСЕМ ВИДАМ ИСКУССТВА. ● „КРОКОДИЛ“ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОБЪЕДИНЯЕТ ВОКРУГ СЕБЯ ЛУЧШИХ САТИРИКОВ И ЮМОРИСТОВ ПО СССР КАК ПИСАТЕЛЕЙ, ТАК И ХУДОЖНИКОВ. ● „КРОКОДИЛ“ ЗАВОДИТ СИСТЕМАТИЧЕСКУЮ И ТЕСНУЮ СВЯЗЬ С ЛУЧШИМИ ХУДОЖНИКАМИ — КАРИКАТУРИСТАМИ, РАБОТАЮЩИМИ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ ЗАПАДА.

ЧИТАЙТЕ

В ПЕРВОМ ЯНВАРСКОМ НОМЕРЕ

В. АРДОВА, МИХ. ВОЛЬПИНА, Н. ГРАМЕНА, МИХ. ЗОЩЕНКО, И. ИЛЬФА И ЕВГ. ПЕТРОВА, ВАС. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА, Ю. ОЛЕШУ, Б. САМСОНОВА, Л. СЛАВИНА И ДР.

РИСУНКИ ХУДОЖНИКОВ:

Л. БРОДАТЫ, Л. ГЕКЧА, Н. ЕЛИСЕЕВА, В. НОЗЛИНСКОГО, Н. РОТОВА, М. ХРАПКОВСКОГО, МИХ. ЧЕРЕМНЫХ И ДР.